

изображения туров и оленей свидетельствуют, вероятно, о бытовании среди местного населения культа охоты¹⁹.

В настоящее время, как и в недавнем прошлом, Джиналский грот используется для укрытия пастухов и скота от ненастной погоды. Об этом свидетельствуют слои перегнившего навоза и золы на полу, закопченный потолок, а также современные надписи на его стенах, вырезанные ножами и нанесенные краской, которые сильно повредили древние изображения.

¹⁹ О существовании у народов Кавказа в раннем средневековье этого культа свидетельствуют сцены охоты в Хумаринской пещере, см.: *Афанасьев Г. Е., Рунин А. П.* Рисунки в пещере близ Хумары.— *Сов. этнография*, 1975, № 2, с. 106, 107; *Дирр А. М.* Божества охоты и охотничий язык и обычаи у кавказцев.— *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис, 1915, в. 44, с. 1—16.

В. П. Алексеев

НОВАЯ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ПОД КРАСНОЯРСКОМ

Энеолитический период в окрестностях Красноярска изучен явно недостаточно как в археологическом, так и в палеоантропологическом отношениях. Поэтому любое увеличение соответствующих данных вызывает большой интерес. В данном сообщении речь пойдет о черепе энеолитического погребения, раскопанного А. Н. Липским в 1966 г.

Погребение расположено у Красноярска, южнее дач Городского от села народного образования, в гроте, недалеко от дачи искусствоведа Н. В. Лисовского. Им оно и было открыто. При раскопках обнаружилось трупоположение на спине, головой на юг. Скелет лежал приблизительно на глубине 15—20 см от земной поверхности. Из предметов были найдены ожерелье из створок раковин речной жемчужницы и подвеска из зуба благородного оленя. Они и служат основанием для датировки.

Скелет принадлежал девочке 12—13 лет. Второй моляр полностью прорезался, но на жевательной поверхности идеально виден весь рисунок узора. То, что он не успел стереться, свидетельствует о вероятности смерти в 12, а не в 13 лет. Сохранность черепа, к сожалению, далеко не идеальная: разрушены затылочная и основная кости; продавлена лобная кость, обломаны кончики носовых костей. Все же удалось возможным взять основные размеры черепа и определить расовые особенности индивидуума с теми, разумеется, оговорками, какие вообще необходимы при расовой характеристике одиночных объектов.

Продольный диаметр измерить не удалось. Поперечный диаметр черепной коробки равен 152 мм. Правда, она посмертно деформирована и в действительности поперечник был меньше, но ненамного. Черепной указатель обычно уменьшается с возрастом — детские и юношеские черепа, как правило, более круглоголовые, чем взрослые. Разница в величине черепного указателя рассматриваемого черепа и взрослых составляет около 2,5 единиц¹. Все равно при такой величине поперечного диаметра можно полагать, что исследуемый индивидуум после окончания роста был бы брахикефальным. Этим подтверждается фа

¹ *Довгялло Н. Д.* О росте черепа человека.— *Архив анатомии, гистологии и эмбриологии*, 1937, т. XVII, № 1; *Сысак Н. С.* Материалы для возрастной морфологии черепа человека.— В кн.: *Антропологический сборник*, II (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. L). М.: Изд-во АН СССР, 1960.

мезо- и брахикефалии энеолитического населения окрестностей Красноярска, установленный предшествующими находками².

При большой ширине черепной коробки лобная кость сравнительно узкая (наименьшая ширина 94, наибольшая 113 мм). Узка она и относительно, в процентах к ширине черепной коробки. Такое строение черепной коробки — большая ее ширина, высокий черепной указатель и узкая лобная кость — характерно для центрально-азиатских монголоидов. У них черепная коробка еще низкая; в данном случае определить высоту ее не удалось из-за отсутствия основания черепа. Нельзя ее было определить и по отношению к поперечным точкам ввиду возможного изменения их положения в вертикальной плоскости.

Размеры лица очень малы (ширина лицевого скелета между скуловыми дугами 120, верхняя его высота 58, полная высота лицевого скелета 98 мм). Следует, однако, учитывать, что они заметно меняются с возрастом. В скуловом диаметре разница между 12—14-летними подростками и взрослыми людьми превышает 9 мм, в верхней высоте колеблется от 7 до 8 мм, в полной высоте равна 13 мм. Таким образом, во взрослом состоянии скуловая ширина была бы 129 мм, т. е. равна аналогичной величине на женских черепах центрально-азиатских монголоидов. Верхняя высота и полная высота лицевого скелета были бы равны 65—66 и 110—111 мм. Эти величины немного уступают соответствующим величинам центрально-азиатских серий, но приближаются к ним. О большой ширине лицевого скелета в данном случае свидетельствуют и размеры его в верхней и средней части — 98 мм и 88 мм, во взрослом состоянии они будут 104—105 и 97 мм.

Небо небольших размеров (длина 39, ширина 35 мм), небный указатель приблизительно соответствует обычным средним величинам его в разных краниологических сериях (39,7). Такой указатель называется брахистафилиным и свидетельствует о некотором расширении неба. Невелики и орбиты (ширина от максиллофронтальной точки 40,5, высота 31 мм). Особенно мала ширина орбиты от дакриальной точки — 35,5 мм. Но нельзя забывать, что небо и орбиты также подрастают в последние пять лет ростового периода. У взрослого индивидуума они достигли бы, надо думать, средней величины.

Высота носа изменяется от 12—14-летнего возраста до взрослого состояния на 6 мм, ширина — немного меньше чем на 2 мм. Эмпирически наблюдаемые величины на черепе: 25 мм ширина и 43 мм высота носа. Это дает очень высокую величину носового указателя — 58,1. Но с возрастом носовой указатель уменьшается, что видно из простого сравнения величины приращения носовой высоты и ширины. На взрослом черепе высота носа была бы равна 49 мм, ширина — 27 мм. Носовой указатель при этом все равно сохранил бы очень большую величину — 55,1. Напомню, что это не первый череп с абсолютно и относительно широким носом из энеолитических погребений у Красноярска. Мужские черепа из Базаихи и отчасти Перевозного, а особенно женский череп из раскопанного З. К. Глусской в 1955 г. погребения у летних дач Городского отдела народного образования, также широконосы. Нижний край грушевидного отверстия образует инфантильную форму.

Угол носовых костей к линии лицевого профиля, характеризующий выступание их в вертикальной плоскости, увеличивается с возрастом подобно подавляющему большинству других размеров. За время с 12—14 лет до взрослого состояния он увеличился бы на 5°. Наблюдаемая величина — 21°, что говорит скорее о среднем, а не о слабом выступании носа. Но при коррекции на возраст для взрослого черепа мы имели бы угол в 26°, что почти соответствует европеоидным величинам. Также примерно выступает и подносная ось — 3 балла. Переносье, однако,

² Первым установил этот факт И. Т. Савенков. Он был подтвержден новыми находками: Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. IV. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948; Алексеев В. П. Энеолитический череп из Красноярска (к вопросу о южной примеси в населении Алтае-Саянского нагорья). — Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, 1960, в. XXXIV.

низкое (дакриальная высота 8,1, симотическая высота 1,6 мм), хотя и довольно широкое (дакриальная ширина 23,3, межглазничная ширина 19, симотическая ширина 6,4 мм). Такое соотношение приводит, естественно, к малым величинам дакриального и симотического указателей (соответственно 34,8 и 25,0). На европеоидных черепах подобные величины не исключены, но встречаются редко. В общем такое строение носовых костей, как у исследуемого черепа, чаще всего бывает характерно для смешанных по происхождению европеоидно-монголоидных серий.

Горизонтальная профилировка лицевого скелета почти не меняется в промежуток времени между 12—14 годами и взрослым состоянием. Назомалярный угол на описываемом черепе — 144° (бималлярная ширина 92, высота 15 мм), зигомаксиллярный — 130° (зигомаксиллярная ширина 85,5, высота 19,5 мм). Это не типично монголоидные показатели, а более всего соответствующие смешанным группам. Глубина клыковой ямки равна 3,5 мм — тоже средняя величина. Обращаясь к вертикальной профилировке лицевого скелета, которая также служит для разграничения больших рас, в частности отделения южных групп негроидного происхождения от монголоидов и европеоидов, видим, что он ортогнатен, т. е. не выступает вперед. Общий угол лицевого профиля равен 85° , угол средней части лица — 83° . Таким образом, по обоим углам новая находка сближается с европеоидными и монголоидными сериями. Угол альвеолярной части лицевого профиля, правда, невелик (75°), но не настолько, чтобы изменить предыдущее заключение. Этим заключением не подтверждается наблюдение о негроидном характере черепа из погребения, раскопанного З. К. Глухой, — череп этот в пределах Красноярска и его окрестностей остается единичной находкой с такими особенностями³.

Нижняя челюсть небольших размеров, но довольно массивная. Ширина ее средняя (мышелковая ширина 109, ширина между гонионами 85 мм), длина скорее малая (длина от мышелков 90, от углов — 70 мм), Ветвь низкая (50 мм), но широкая (36 мм), наклон ее средний (116°). Подбородок выступает значительно (71°).

Своеобразно строение зубной системы. Зубы очень крупные — эта особенность выражена настолько четко, что лишь несомненная по другим краниологическим признакам принадлежность черепа женщине заставляет не сомневаться в определении пола. Лопатообразность резцов выражена очень четко — и на медиальном, и на латеральном резце она может быть оценена баллом 3. Это монголоидный признак. Редукция латерального резца незначительна. Скученность зубов и выступание их за пределы зубного ряда, вполне отчетливые в данном случае, также чаще встречаются в монголоидных сериях. Но дистального гребня на тригонидах нет, а бугорок Карабелли — европеоидная черта — выражен максимално и должен быть оценен баллом 5.

Если упомянуть в заключение о сфеноидной форме черепной коробки при взгляде сверху и сравнительно слабом рельефе черепа (надпереносье оценивается баллом 2, сосцевидные отростки — баллом 1), то его морфологическую характеристику можно считать полной. Что касается ее генетического значения, то в первую очередь подчеркнем два обстоятельства: а) ни в коем случае нельзя считать, что новая находка отличается каким-то особым своеобразием по сравнению с черепами из Базаихи и Перевозного; б) она подтверждает ранее данную характеристику генезиса энеолитического населения окрестностей Красноярска, образовавшегося в процессе смешения монголоидных и европеоидных форм.

Люди подобного антропологического типа жили в окрестностях Канска⁴ и в Прибайкалье⁵. Та европеоидная примесь, которая была у жите-

³ Их трактовка вызвала дискуссию: Козинцев А. Г. Проникали ли в древности негроиды в Сибирь? — Вопросы антропологии, 1974, в. 47.

⁴ Герасимова М. М. Неолитические погребения у Долгого озера (Канск). — Вопросы антропологии, 1964, в. 18.

⁵ Сводку данных и мнений см.: Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXVI.

лей окрестностей нынешнего Красноярска в энеолитическое время и наличие которой подтверждается новой находкой, распространялась по крайней мере до оз. Байкал. Европеоиды попадали в район Красноярска преимущественно, по-видимому, с юга, из степных районов, в район же Канска и в Прибайкалье, очевидно, с запада. Европеоидный компонент морфологически очень похож во всех степных районах юга Восточной Европы, в Казахстане и на юге Сибири. Брахиокrania черепов из под Красноярска принесена, следовательно, монголоидным компонентом.

Таким образом, исследуемый череп, как и многие другие неолитические черепа из Южной Сибири, обнаруживает черты смешения между монголоидами и европеоидами⁶. Заметим в связи с этим, что в последние годы антропологи уделяют пристальное внимание вопросу о времени проникновения европеоидов в Центральную Азию⁷ и их роли в формировании центрально-азиатской расы⁸. Весьма вероятно, что в рассматриваемом случае мы сталкиваемся с первыми этапами формирования краниологических особенностей центрально-азиатских монголоидов.

М.: Изд-во АН СССР, 1958. После публикации этой книги появилось еще несколько статей с описанием новых единичных находок. Библиографию см.: *Казанцев А. И.* Антропологические данные о скелетах из неолитических погребений Приангарья.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. Новые исследования: *Мамонова Н. Н.* К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973; *еже* же. Население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии (к вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита).— В кн.: Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980.

⁶ *Алексеев В. П.* Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы.— Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 71, М.: Наука, 1961.

⁷ *Алексеев В. П.* Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974; *Мамонова Н. Н.* Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии.— Сб. МАЭ, 1980, в. 36.

⁸ *Гохман И. И.* Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов.— Сб. МАЭ. Л.: Наука, 1980, в. 36; *Зубов А. А., Золотарева И. М.* Монголы в мировой систематике одонтологических типов.— Вопросы антропологии, 1980, в. 64.

Н. Г. Панкова

ДИНАМИКА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РАЙОНЕ ЗОЛОТОГО БЕРЕГА (XV—XIX вв.)

Одной из важных проблем африканистики является динамика этнополитических процессов. В период колониальной экспансии европейских держав была создана концепция о высоком уровне этнополитической дифференциации африканских общностей, которые постоянно враждуют друг с другом. Колониальный захват африканских территорий в XIX—XX вв. провозглашался благом, который нес мир, просвещение и прочие дары цивилизации африканским народам, якобы неспособным к самостоятельному политическому развитию и самоуправлению. В наши дни эта концепция подверглась всесторонней критике¹. Лингвистические и демографические исследования показали, что так называемая лингвистическая и этническая пестрота присущи преимущественно труднодоступным районам, где находятся изолированные и малочисленные общности, в то время как большая часть населения африканских стран,

¹ *Ольдерогге Д. А.* Проблемы этнической истории современной Африки.— В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР 1972—1973 гг. Л.: Наука, 1974, с. 60—61.